Глава 25. Возвращение в родительский дом

***

Лу Чуань прекрасно понимал, почему поместье хоу выбрало именно его в мужья для своего сына. Даже если в день визита свахи он был слишком ошеломлен, чтобы соображать здраво, то позже, успокоившись, он всё разложил по полочкам.

Его предшественник стал сюцаем в двенадцать лет — талант юноши был неоспорим. При поддержке дома хоу Юннин он, как минимум, мог рассчитывать на степень цзиньши. Однако сейчас Лу Чуаню предстояло прежде всего сдать провинциальный экзамен на звание цзюйжэня.

Ознакомившись с трудами прежнего владельца тела, он почувствовал в себе некоторую уверенность. До следующего сянши оставалось еще три года; за это время, если приложить усилия, он вполне мог стать цзюйжэнем.

Но вот в степени цзиньши он сомневался. Эти экзамены проводились раз в три года, и из всей страны отбирали лишь три сотни лучших — элиту из элит. А теперь его супруг с сияющими глазами заявляет, что ждет от него места в первой тройке?!

Внешне Лу Чуань оставался невозмутим, но в душе его бушевал шторм. Глядя в полные надежды глаза Нин-гээр, он просто не нашел в себе сил сказать «нет».

— Я непременно приложу все силы, — наконец выдавил он, стараясь улыбаться уверенно.

«Будь что будет. Ради ожиданий Нин-гээр придется учиться до изнеможения, даже если это будет стоить мне жизни».

Лу Чуань втайне принял это волевое решение.

Приняв его, он снова ощутил, как на глаза наворачиваются слезы. Прибыв в этот мир, он мечтал лишь об участи «соленой рыбы» и искал покровительства только ради безбедной лени.

«Мягкий рис» он и впрямь отведал, да только доставался тот неожиданно дорогой ценой.

Се Нину вовсе не обязательно было почивать на лаврах именно Чжуанъюаня или Таньхуалана — ему просто хотелось, чтобы муж утер нос этому выскочке Лянь Инцзе. Но он верил: раз Лу Чуань слыл гением, то для столь умного человека высокая планка не станет преградой.

За этими разговорами незаметно подошло время ужина. Оставив книгу, Се Нин в прекрасном расположении духа отправился к столу. Супруг следовал за ним, сохраняя на лице спокойную

маску, хотя внутри него всё еще бушевали противоречивые чувства.

Зимой темнеет рано, и люди привыкли ложиться в постель загодя. После ужина матушка Лю и Хэ Хуа разошлись по своим комнатам, а супруги, завершив вечерние сборы, вернулись в спальню.

Стоило им оказаться в этом уединенном пространстве, как вся легкость, возникшая за день в кабинете, бесследно испарилась. На обоих были лишь тонкие нижние одежды, и Се Нин невольно вспомнил утреннюю близость.

Теперь им предстояло каждую ночь делить это ложе. Не смея взглянуть на мужа, юноша поспешно вынул шпильку из волос и юркнул под одеяло, забившись в самый угол.

Лу Чуань видел его смущение, но и сам волновался не меньше. Когда любимый человек находится на расстоянии вытянутой руки, трудно сохранять ледяное спокойствие.

Он задул свечу и подошел к кровати. В слабом лунном свете, льющемся из окна, было видно, как Нин-гээр мертвой хваткой вцепился в край одеяла.

Лу Чуань улегся с краю, не чувствуя со стороны партнера ни малейшего движения. Он негромко кашлянул:

— Нин-гээр, не поделишься ли со мной одеялом?

Только тут Се Нин осознал, что муж остался ни с чем. Он мысленно обругал себя за то, что не велел Хэ Хуа подготовить вторую постель, но звать слуг сейчас было бы слишком неловко. Пришлось придвинуться ближе и отдать Лу Чуаню половину.

Между ними всё еще оставалась широкая полоса пустого пространства. Гээр чувствовал, как в постель закрадывается ночная прохлада, но всё равно не решался прижаться к мужчине.

Ощущая близость прекрасного юноши, Лу Чуань не выдержал и, повинуясь порыву, накрыл ладонь Се Нина своей. Тот вздрогнул и инстинктивно вырвал руку. Он знал, что этот человек — его законный супруг и между ними позволена любая близость, но пока просто не мог заставить себя пойти на это.

Глядя на Се Нина, который снова закутался в одеяло у самой стены, Лу Чуань лишь беспомощно улыбнулся. Неужто он кажется тому каким-то свирепым зверем?

По этой реакции он понял чувства своего супруга: симпатия явно была, но до настоящей страсти дело еще не дошло. Да и времени с их знакомства прошло слишком мало. Жар, охвативший тело мужчины, мгновенно сменился понимающим спокойствием.

Се Нин чувствовал вину, но пересилить себя не мог.

— П-прости… — прошептал он в темноту. — Дай мне немного времени. Я еще не привык к такой близости с кем-либо.

Лу Чуань вздохнул. Как он мог поступить иначе с тем, кто ему дорог? Не брать же его силой?

— Хорошо. Будем двигаться шаг за шагом. С брачной ночью мы не станем спешить.

Сказав это, он попросил вернуть ему часть одеяла — холод и впрямь пробирал до костей. Се Нин поспешно укрыл супруга. Услышав, что Лу Чуань не собирается требовать исполнения супружеского долга прямо сейчас, он мгновенно расслабился. Отчуждение исчезло.

На этот раз они легли ближе. Плечо к плечу, не впуская под одеяло морозный воздух. Се Нин чувствовал кожей жар, исходящий от мужчины, и хотел было отодвинуться, но тот снова перехватил его руку.

Прежде чем юноша успел вырваться, Лу Чуань мягко произнес:

— Мы супруги. Рано или поздно между нами случится нечто большее, но сейчас… давай хотя бы привыкнем держаться за руки. Ты согласен?

Се Нин почувствовал, как муж слегка сжал его пальцы — в этом жесте почудилась мягкая угроза: мол, если не согласишься на это, придется перейти сразу к делу.

Юноша замер.

«Пусть будет рука. От меня не убудет».

Впрочем, Се Нин всегда отличался легким нравом. Смирившись с тем, что теперь ему придется делить постель с другим, он перестал беспокоиться и вскоре крепко заснул.

Слушая его ровное, глубокое дыхание, Лу Чуань невольно усмехнулся. Этот гээр был до того простодушен, что верил каждому его слову.

«Неужто он не знает, что мужчины любят нарушать свои обещания?»

Впрочем, он и впрямь не собирался заходить дальше — супружеская близость должна приносить радость обоим.

Под мерный ритм дыхания Се Нина Лу Чуань тоже погрузился в сон.

***

На следующее утро, едва закончился завтрак, Бай Юй со слугами вернулся в дом Лу. Сегодня предстояло хуэймэнь, и подарки, подготовленные заранее, уже грузили на телегу.

По дороге к поместью хоу Юннин Се Нин рассказывал мужу о своих родных, а Бай Юй то и дело вставлял свои замечания.

— Господин хоу человек прямой и суровый на вид, делами домашними не занимается, но в молодом господине души не чает, — пояснил слуга.

Лу Чуань понимал: во все времена дети были для отцов «маленькими ватными жилетками», дарящими тепло. Раз уж он забрал у хоу его сокровище, то придется быть готовым к холодному приему.

— Госпожа хоу очень добра, больше всего она пеклась о свадьбе господина. Теперь, когда вы женаты, с её души словно камень свалился.

Как говорится, теща в зяте души не чает. Значит, с этой стороны проблем быть не должно.

— Старший молодой господин — наследник дома, человек зрелый и степенный. Он очень оберегает брата.

«Старший шурин печется о благе семьи, вряд ли он станет чинить препятствия», — прикинул Лу Чуань.

— А вот второй молодой господин нравом в отца пошел: горяч и скор на расправу, порой действует наобум.

«Второй шурин попроще, может и устроить проверку на прочность».

— Та превосходная хуэйская тушь предназначена для старшего молодого господина Се Цзиня. Он учится в Гоцзыцзяне, ему она нужнее всего.

Возвращение к родителям подразумевало и подарки для младших членов семьи. Из тех, кто был младше Се Нина, в доме оставался лишь Се Цзинь. Поэтому для него приготовили особый дар, остальные же подношения были традиционными.

Бай Юй давал наставления, Лу Чуань запоминал, а Се Нин лишь слушал, не смея поднять глаз на мужа.

Проснувшись утром, он обнаружил, что, как и вчера, во сне перекатился в объятия Лу Чуаня и проспал так до самого рассвета. Вечером он твердил, что не привык к близости, а стоило закрыть глаза — сам полез под бок. От стыда юноша просто не знал, как теперь себя вести.

К счастью, суета визита помогла скрыть его замешательство.

Процессия беспрепятственно достигла поместья хоу Юннин. Главные ворота были распахнуты настежь — всё было готово к приему. Едва карета остановилась, Се Нин хотел было выскочить наружу, но Лу Чуань придержал его.

Прежде чем юноша успел удивиться, супруг набросил ему на плечи тяжелое дачан и тщательно завязал ленты. Только после этого он позволил Се Нину сойти.

У входа их ждали Се Бо и Се Мин. Стоило гээру ступить на землю, как братья тут же окружили его.

— Нин-гээр, выглядишь неплохо, — Се Мин удовлетворенно кивнул. — Видно, что не обижают.

Се Бо, чей лик всегда напоминал застывшую маску, при виде любимого брата не изменился в лице, но тоже согласно прикрыл глаза:

— И впрямь, добрый знак.

Лу Чуань стоял чуть поодаль, не мешая братьям обмениваться приветствиями. Наконец матушка Лю вышла вперед:

— Старший господин, второй господин, на улице мороз, позвольте молодому господину и зятю войти в дом.

Се Мин спохватился:

— Верно, верно! Скорее в тепло, отец с матерью уже глаза проглядели, вас дожидаясь.

Едва увидев сына, мать Се бросилась к нему, схватила за руки и запричитала:

— Ох, мой Нин-гээр! Как же ты исхудал, лица совсем нет!

Се Нин на мгновение лишился дара речи.

— Матушка, посмотри повнимательнее… Неужто я и впрямь так сдал?

Если приглядеться, за эти два дня он ничуть не изменился, а кожа его даже стала свежее. Мать Се замялась. Разумеется, Се Нин чувствовал себя превосходно: еда была вкусной, сон крепким, а под рукой всегда были любимые книги. По сравнению с последними неделями изнурительной подготовки, его нынешняя жизнь казалась сказкой.

На самом деле мать Се просто извелась от тревоги. Она так много напридумывала, что сама поверила в несчастья сына еще до встречи с ним. Но увидев, что Нин-гээр вполне доволен жизнью, она наконец перевела дух.

Лу Чуань почтительно поднес чай тестю, теще и обоим братьям, получив взамен гору ценных подарков. Затем он вручил Се Цзиню обещанную тушь.

Путь от деревни до столицы был недолгим, но выехали они поздно, так что вскоре после обряда чаепития настало время обеда. В день хуэймэнь семья супруга обязательно оставляет молодых на праздничную трапезу.

В столице свято чтили обычай, по которому мужчины и гээры старше семи лет не делили один стол. Семья Се жила здесь уже больше десяти лет и вполне переняла эти привычки. Поэтому Лу Чуань и Се Нин обедали в разных покоях.

Лу Чуань сидел по правую руку от хоу Юннина. По левую руку расположился второй шурин, напротив застыл бесстрастный старший брат, а рядом с ним — его «уменьшенная копия», Се Цзинь.

Он почуял неладное, и чутье не обмануло. Стоило им сесть за стол, как Се Мин схватил кувшин и принялся наполнять его чашу, явно намереваясь напоить зятя до бесчувствия. Даже если выбор зятя их устраивал, они не могли не помучить того, кто увел из дома их единственного гээра.

Лу Чуань решил действовать на опережение. Не давая братьям опомниться, он первым поднял чашу, почтив тестя, а затем — обоих шуринов. Три чаши крепкого вина исчезли в один миг, но лицо мужчины даже не порозовело.

Когда Се Мин снова потянулся к кувшину, Лу Чуань мягко накрыл свою чашу ладонью и с улыбкой произнес:

— Младший брат не силен в питье, еще пара чаш — и я хмелем затуманю разум. Мне-то что, а вот Нин-гээр придется за мной присматривать. Боюсь, это его слишком утомит.

Стоило ему это сказать, как Се Мин замер с кувшином в руках. Даже суровый лик хоу Юннина слегка дрогнул. Кому охота, чтобы их любимый сын прислуживал пьяному мужу? Пусть он и зять, а всё одно — сердце болит.

— Довольно, — хоу махнул рукой. — К чему эти излишества.

Се Мин тут же отставил вино. Раз хмельное веселье закончилось, пришло время для серьезных разговоров.

— Каковы твои дальнейшие планы в учении? — спросил хоу Юннин.

Лу Чуань почтительно склонил голову:

— Ваш ничтожный зятюшка сейчас занимается дома, но чтобы достичь большего, мне необходимо поступить в достойную академию под начало мудрого наставника. Мои силы невелики, и я смиренно прошу совета у уважаемого тестя.

Хоу задумался:

— Мы, дом Се, можем дать тебе рекомендацию в академию Белого Клёна. Но… — он поморщился, — там учился тот человек.

Ему было противно даже вспоминать о Лянь Инцзе. В свое время семья Се помогла ему попасть именно в «Байфэн», где благодаря наставникам он и смог сдать экзамен на цзиньши.

— В нашем распоряжении есть еще одно место иньшэна в Гоцзыцзяне по праву императорской протекции, — продолжил хоу Юннин. — Желаешь ли ты занять его?

Каждый чиновник в столице выше пятого ранга имел право направить одного человека в Императорскую академию. Се Цзинь учился там по квоте своего отца, Се Бо. Хоу Юннин, будучи маркизом второго ранга, всё еще обладал своим неиспользованным правом. Теперь, когда Лу Чуань стал членом семьи, передать это место ему было делом вполне разумным.

http://bllate.org/book/15313/1354407